

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ

УДК 002

Ю. Н. Столяров

МНИ, ДИП, УД и другие «находки» белорусского коллеги.
(В защиту документоведения)

Анализ предложений, выдвинутых Ю. В. Нестеровичем в статье «О терминосистеме и экспликации базисных понятий документоведения».

Ключевые слова: документ, сущность документа, документоведение, документология, предмет деятельности, продукт деятельности, научная классификация.

Признаки классификации документа

Ю. В. Нестерович в статье «О терминосистеме и экспликации базисных понятий документоведения» [1] предлагает рассматривать документ как «классификационный разряд ... в соответствии с критерием функционального назначения и характера содержащейся в нём социоинформации» [1. С. 54]*.

К другим видам таких разрядов (классов) он относит «документальные, нарративные, дидактические, справочные, нормативные правовые акты» [там же].

Здесь надо перевести дух и сначала разобраться в сказанном, прежде чем двигаться дальше. Как известно, по первому правилу построения классификаций объём понятия делят по *одному* основанию, в противном случае появляется эффект *двух зайцев*, за которыми исследователь гонится одновременно. Результат этой погони известен. Иными словами, автору было бы достаточно выбрать критерий либо «функционального назначения», либо «характера содержащейся в нём (в функциональном назначении?! – Ю. С.) социоинформации». Тут же требовалось разъяснить, что понимается под *характером* социоинформации. Введение двух оснований деления одновременно заведомо лишает классификацию научности.

Документ и «документальный материал»: в чём разница?

Выведа понятие *документ* из других видов того, что именуется в статье «предметами деятельности с закреплённой информацией», документальные материалы (наряду с нарративными, дидактическими, справочными, нормативными) Ю. Н. Нестерович вписывает в *другие*, т.е. противостоящие виды (классы) тех же самых «предметов деятельности с закреплённой информацией» [с. 54]. *Документ*, иными словами, *противопоставляется... документальным материалам*. Понять логику автора, честно признаться, весьма затруднительно.

Кошмары Нестеровича

Такая, с позволения сказать, «классификация» понадобилась Ю. В. Нестеровичу для того, чтобы избавить «документоведов от кошмара идентификации в качестве документов всяких книжных изданий, музейных экспонатов, этикеток и т.д.» [там же]. Заодно автор избавляет «чистых» документистов от документов личной переписки, мемуаров, дневников [там же].

Претензия Ю. В. Нестеровича на закладку краеугольного камня терминосистемы документоведения

Если бы эскизы автора были текущими размышлениями по актуальному вопросу, к его страшилкам-кошмарам можно бы отнестись снисходительно. Но Ю. В. Нестерович полагает, что его классификация позволяет преодолеть идейную конфронтацию между представителями «классического» и «постклассического» документоведения. Он претендует на то, что предлагаемая классификация закладывает один из краеугольных камней в основание терминосистемы документоведения, зиждущейся на непротиворечивом соотношении его базисных терминов [с. 54].

Поэтому к предлагаемым новациям приходится отнестись более внимательно. С «непротиворечивостью» *документа* и *документального материала* мы уже разобрались. Рассмотрим и методологические основания всей концепции Ю. В. Нестеровича.

Представления Ю. В. Нестеровича о сущности документа

Итак, понятие *документ* Ю. В. Нестерович предлагает рассматривать как частный случай так называемого предмета деятельности с закреплённой информацией. «Предмет деятельности» выступает при этом в качестве собирательного понятия. В интерпретации Ю. В. Нестеровича дефиниция документа выглядит следующим образом: документ – это принципиально доступный для восприятия и усвоения индивида предмет деятельности с закреплённой информацией, атрибутивным компонентом которого выступает социальная информация, континуум(ы) знаков (постсигналы). Неатрибутивный компонент документа – материальный носитель информации [там же].

Рассмотрим суть этого определения (к материальному носителю информации мы ещё вернёмся). Под него легко подпадают не только собственно управленческие документы, ради вычленения которых из общей массы других видов трудился автор, но и любые другие, какие угодно, - при условии, что они несут социально значимую информацию в знаковой форме. Несут ли такую знаково оформленную информацию «всякие книжные издания, музейные экспонаты, этикетки и т.д.», которые воспринимаются автором на уровне кошмара?

Уверен, что при всей претенциозности Ю. В. Нестерович будет вынужден ответить на этот вопрос положительно. А значит, «всякие книжные издания, музейные экспонаты» попадают в орбиту так называемого классического документоведения легче, чем сейчас. Потому что сейчас есть отграничительный признак в виде реквизитов, которыми административные документы отличаются (как полагают «истинные» документоведы) от иных, или «не-документов».

Его трактовка предмета документоведения (управленческого), скорее, затемняет, чем проясняет этот предмет, поскольку в ней отсутствует хоть один специфический именно для управленческого документа признак. Но тогда «посягательства» представителей смежных с документоведением научных дисциплин на включение терминологического элемента «документ» в наименование науки о документе как раз и обоснованы. Зато у Ю. В. Нестеровича основания посягать на документологию как собирательную науку (или метанауку – в трактовке А. В. Соколова [2]) о документе, да и на документоведение как таковое – хоть в широкой его интерпретации, хоть в узкой, отсутствуют. Далее поясню последнюю часть этого умозаключения.

Дурной сон Нестеровича

Управленческое документоведение теснейшим образом связано с архивоведением. Их роднит общее, одинаковое понимание документа, поскольку документ, утративший первоначальную актуальность, из канцелярии перекочёвываем в архив. Технологически принципиально важно, чтобы при передаче документа на архивное хранение над ним производился минимум технологических операций, чтобы вся технология работы над документом в канцелярии и в

архиве была согласована и унифицирована. Собственно, понятие документа в канцелярию и пришло из архива. Понятийный ряд документоведения и архивоведения закономерно регламентируется одним и тем же стандартом.

В архиве, однако, хранятся не только бывшие канцелярские документы, но также эпистолярии, «всякие [?!] книжные издания [автор забывает, что книжные палаты – это *архивы печати*], музейные экспонаты, этикетки и т.д.», - всё то, что дважды на протяжении статьи воспринимается Ю. В. Нестеровичем как дурной сон.

Внесение раскола между документоведами и архивоведами в понимание документа – только этого и не хватает сегодня в сложном и противоречивом состоянии общей теории документа!

В любом случае приходится констатировать, что предложенное определение управленческого документа – маловразумительно.

ПДЗИлогия Нестеровича

Вернёмся к собирательному термину для всех видов документа. Ю. В. Нестерович выдвигает на его роль «продукт деятельности с закреплённой информацией» [с. 54]. Термин этот невероятно громоздок, а его аббревиатура – ПДЗИ – звучит просто неприлично. Производить от него какие бы то ни было качественные прилагательные – а это обязательное условие для научного термина (например, от слова *документ* можно произвести прилагательные *документный, документаризованный, документовый, документарный, документский, документивный* и т.д., а также сложносоставные - *документологический, документоцентрический, документономический* и пр.) – совершенно невозможно. Следовательно, предлагаемый словооборот абсолютно лишён возможности претендовать на роль научного, тем более базового, термина.

Но главное в ином. Вдумаемся в каждое слово предлагаемого словосочетания.

Продукт - имеется в виду уже готовый продукт? А кто его произвёл? И из чего? И чем он при этом руководствовался? И каковы отличительные признаки этого продукта?

Далее: *деятельности* – чьей? Того, кто этот продукт производил, или того, кто этим продуктом воспользовался? И зачем здесь вообще упоминать о деятельности? Если обойтись без этого слова, тогда осталось бы: «*продукт с закреплённой информацией*». Правда, аббревиатура (столь любимое Ю. В. Нестеровичем увлечение) и от такого сокращённого словосочетания всё равно звучала бы мерзко. Но, по крайней мере, пять вопросов отпали бы сами собой без потери содержания.

Вникаем дальше: *с закреплённой информацией*. Закреплённой производителем продукта или существовавшей на (в) продукте до его производства, или нанесённой и закреплённой потребителем продукта? В какой форме записанной? В какой форме закреплённой? На чём и каким способом, каким инструментом и т.д. закреплённой? Существует ли информация незакреплённая, т.е. гуляющая, словно кошка, сама по себе?

Ответ на последний из более чем десятка предварительных методологических вопросов у автора имеется: МНИ. Имеется в виду не глагол «мять» в повелительном наклонении – *мни* (подобно глаголам *жги, гони, жми*), а «материальный носитель информации».

Злоупотребление аббревиатурами – свидетельство стремления к копеечной экономии речи в ущерб уважению к читателю, которому приходится запоминать аббревиатуры (к тому же неблагозвучные) вместо того, чтобы усваивать и анализировать содержание авторского произведения. При этом ещё и тратить время на то, чтобы то и дело, упуская основную авторскую мысль, возвращаться к предыдущему тексту в поисках их расшифровки.

Сдержим, однако, досаду на всевозможные ПДЗИ, МНИ, ДИП, УД, ИЭ, щедро рассыпанные по тексту статьи, и попытаемся сопоставить ПДЗИ с МНИ (прошу у читателей прощения за то, что пользуюсь аббревиатурами Ю. В. Нестеровича, но, во-первых, из песни слова не выкинешь, а во-вторых, привожу их в последний раз).

Что стоит за термином «материальный носитель информации»? Разве может быть носитель информации нематериальным? Ясное дело, что оптоволоконный кабель – вполне материальный носитель электронной информации. Если информация сосредоточена (закреплена) в голове, скажем, Юрия Владимировича Нестеровича, то её носителем является серое вещество мозга. Если автор знает виды нематериальных носителей информации, которым противопоставляет материальные, то об этом стоило бы оповестить своих читателей. Если таковые виды отсутствуют, слово «материальный» в терминологии избыточно.

Впрочем, рассуждать о материальности носителя целесообразно. Но лишь в том случае, когда речь заходит о видах материи и носителей – например, о *видах основы* (подосновы, надосновы) носителей записи (бумага, пластик, стекло, целлулоид...) в отличие от *видов материала самой записи* (чернила, паста, краска, электромагнитные импульсы...).

В выражении «материальный носитель информации» нет указания на её закреплённость, но оно присутствует в выражении «продукт деятельности с закреплённой информацией», в котором, однако, опущен факт наличия носителя. Иными словами, два эти термина, соответствующие логике их создателя, взаимно обеднены, и ими приходится оперировать только в совокупности. Но что понимается под *закреплённостью*? В течение какого времени (и почему именно такого?) информация должна находиться в закреплённом состоянии, чтобы «предмет деятельности» получил статус главного терминообразующего элемента?

Продукт или предмет?

При внимательном прочтении статьи Ю. В. Нестеровича обнаруживается, что введённая им аббревиатура означает сначала «*продукт* деятельности с закреплённой информацией» (с. 53), а потом – уже на следующей странице – «*предмет* деятельности с закреплённой информацией» (с. 54). Тут остаётся только руками развести...

Ещё один существенный вопрос: как именовать теорию то ли о предмете, то ли продукте с закреплённой информацией? Термин от наименования её предмета образовать невозможно, да автор к этому, как ни удивительно, и не стремится. Он не ставит вопрос ни об этом, ни о соотносённости будущего наименования с известными дисциплинами – документологией, документоведением, документалистикой.

Отрасль знания, имеющую предметом «предмет?/продукт? деятельности с закреплённой информацией» (простите за косноязычие, но иначе мысль Нестеровича передать невозможно), автор продолжает называть то документологией, то документоведением. Обоснования правомерности такого решения в его статье я не нашёл.

Вывод

Заявленная Ю. В. Нестеровичем попытка заложить «в основание терминосистемы документоведения, зиждущейся на непротиворечивом соотношении его базисных терминов», один из основных краеугольных камней так попыткой и осталась. Своей статьёй Ю. В. Нестерович создал, конечно, и «предмет», и «продукт» «деятельности с закреплённой информацией». Вот только предмет этот какой-то иллюзорный, а продукт «несъедобный». Тем не менее поблагодарим автора за стремление поработать во благо общей теории документа и пожелаем ему успехов на этом благородном поприще.

Список источников

1. **Нестерович Ю. В.** О терминосистеме и экспликации базисных понятий документоведения / Ю. В. Нестерович; М-во культуры України; Київський нац. ун-т культури і мистецтв; Ін-т держ. управління права; Кафедра держ. управління // Термінологія документознавства та суміжних галузей знань : зб. наукових праць. – Вип. 6. Київ, 2012. – С. 51–59.
2. **Соколов А. В.** Документология как метатеория документной коммуникации / А. В. Соколов // Книга. Исследования и материалы. – Москва : Наука, 2009. – Сб. 91/І-ІІ. – С. 43–49.